

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е. Б. БАРИНОВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ С ЗАПАДНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В статье рассмотрено соотношение мировоззренческих принципов и политической практики Китая в отношениях с соседними государствами и народами Центральной Азии. Внешнеполитические доктрины подготовили теоретическую основу для реализации стратегии распространения политического влияния Китая. Открытие и функционирование Шелкового пути, по которому осуществлялись внешнеполитические контакты со странами Запада, способствовало реальному воплощению этих идей.

Ключевые слова: *Китай, Центральная Азия, домонгольский период.*

Формирование принципов взаимоотношений Китайской империи с ближними и дальними государствами проходило на протяжении нескольких тысячелетий. Характерными для древнего Китая можно считать два основных типа межгосударственных отношений: в основе первого лежит концепция «ди го» – «равных государств», второй базируется на конфуцианской доктрине «мироустроительной монархии», которая рассматривала все другие страны как потенциальных данников Китая.

Доктрина «ди го» получила развитие в периоды Чуньцю (VIII – начало V в. до н.э.) и, особенно, Чжаньго (V–III вв. до н.э.). Она нашла отражение в традициях школы «цзун хэн», деятельность которой была связана с теорией и практикой межгосударственных отношений. Школа придерживалась принципов даосско-легистского толка, ее учение исходило из практических задач внешней политики, игнорируя любые мотивы, кроме государственной выгоды. Установки школы заложили теоретическую основу для практики заключения союзов «по вертикали» и «по горизонтали». Философ-легист Хань Фэй-цзы (умер в 233 г. до н.э.) писал о характере этих союзов: «Союз “цзун” (“по вертикали”) объединяет многие малые царства для удара по одному сильному, а союз “хэн” (“по горизонтали”) служит одному сильному царству для удара помногим слабым»¹. «Союз по вертикали» как тип межгосударственных соглашений возник на рубеже IV–III вв. до н.э., когда на политическое господство в Китае стали претендовать циньские ванные, и ставил целью создать антициньское объединение царств, расположенных в направлении

¹ Цит. по: Межгосударственные отношения... 1987. С. 232.

«с севера на юг», на основе их равноправного участия в противодействии циньской агрессии. «Союз по горизонтали» теоретически объединял царства проциньской ориентации, расположенные в направлении «с запада на восток», с целью вмешательства в дела других государств.

Таким образом, теория равных партнеров исходила прежде всего из практики взаимоотношений «срединных царств» между собой и имела длительную и прочную традицию отношений равноправных государств. Однако нередко этот же принцип использовался и при заключении договоров с «варварами». В науке такая традиция получила название «стратегической дипломатии»². На практике принцип «ди го»³ проявился в начальный период империи Хань в отношениях с хунну, закрепленных договором «о мире и родстве» 198 г. до н.э. Сыма Цянь называл Срединную империю и державу шаньюя Модэ «равными государствами»⁴. Император Вэньди, возобновивший договор «о мире и родстве» с хунну, в письме к шаньюю тоже говорил об обеих державах как «равных государствах»⁵ и установил границу между ними по Великой стене. На раннем этапе развития отношений Ханьской империи с соседними странами договоры «о мире и родстве» не имели в виду какой бы то ни было зависимости от империи и подразумевали, по сути, равенство договаривающихся сторон (а иногда носили даже унижительный для Китая характер, как это было при шаньюях Модэ и Лаошане). Соседние союзные правители во взаимоотношениях с императорами не называли себя «слугами Сына Неба», не брали на себя обязательств уплачивать «дань» и не посылали в одностороннем порядке заложников к ханьскому двору (как это было позже). Более того, даосский трактат середины II в. до н.э. проповедовал принцип равенства между Срединной империей и иноземцами и отрицал принципиальное отличие древних китайцев от «варваров»⁶. Эта концепция взаимоотношений с соседними и отдаленными государствами подготовила такие формы внешнеполитических связей, как «клятвенные договоры» (мэн), заключенные «перед лицом духов», закрепление доб-

² Мясников. 1980; Гончаров. 1986. С. 6.

³ Межгосударственные отношения... 1987. С. 270.

⁴ «Дом Хань заключил с сюнну договор, основанный на братстве. Чтобы сюнну не наносили вреда нашим границам, мы отправили им щедрые подарки» См.: Сыма Цянь. 1972. С. 233.

⁵ «хань и сюнну суть “соседние ди-го”». См.: Таскин. 1968. С. 48.

⁶ Н.Я. Бичурин переводит термин «ди-го» как «равное государство», В.С. Таскин – как «равное по силе государство». Таким образом, термин «ди го» подразумевает равный статус государств, не предусматривающий отношений сюзерен – вассал. Бичурин. 1950. С. 60, 251; Таскин. 1968. С. 39, 48.

рососедских отношений путем заключения равноправных династических браков, заложничество сыновей правителей обеих сторон.

Иной принцип возобладал в теории и практике межгосударственных отношений древнего Китая со времени правления У-ди (140–87 гг. до н.э.). Он исходил из конфуцианской доктрины «мироустроительной монархии», непосредственно связанной с теорией неполноценности «варваров» (т.е. запредельных народов) и рассматривавшей все другие страны как данников по отношению к Китаю. В основу учения Конфуция (551–479 гг. до н.э.) о Сыне Неба как мироустроителе и владыке Вселенной легла идея исключительности жителей «срединных царств». Эта доктрина была зафиксирована в конфуцианских трактатах «Чжоу ли» («Ритуалы Чжоу»), «Лицзи» («Записи о ритуалах») и «Или» («Ритуалы и установления»). Согласно этим текстам предлагалась схема односторонних внешнеполитических отношений чжоуского вана с ближними и дальними народами и царствами, которые должны были выражать ему покорность. Наиболее удаленные от Чжоу территории занимали племена, чьи союзнические обязательства в отношении к Сыну Неба были минимальными, сводясь к военно-оборонительным функциям.

Со временем синоцентрическая концепция и теория этнокультурного превосходства жителей «срединных царств», населявших центр Вселенной, над окружающим окраинным миром «варваров четырех стран света» стала распространяться на отношения со странами и народами, расположенными за пределами Китая, в том числе фактически независимыми от него, в союзе с которыми Ханьская империя была заинтересована не меньше, чем сами эти народы. Это, прежде всего, были племенные объединения юэчжей и хуннов на северной периферии ханьского мира, тибето-бирманские племена на западе и т.д.⁷ Так, во время своего посольства к усуням Чжан Цянь, прибывший с целью заключить договор «о мире и родстве», потребовал от их правителя бить земные поклоны перед дарами императора. Был выработан специальный ритуал приема послов, который ставил целью подчеркнуть подчиненное положение правителя, пославшего посольство, по отношению к китайскому императору. Обмен посольствами обязательно сопровождался вручением даров. Все подарки со стороны чужеземных правителей и послов обозначались специальными терминами: «гунн» («подношение»), «сянь» («жертвоприношение») или их сочетание: «гунсянь». В этом употреблении термин «гунн» и его производные стали применяться со времени империи Хань. Двор такие «подношения» чужеземных послов

⁷ Кроль. 1973; Он же. 1978.

рассматривал как знак изъявления покорности, хотя они могли представлять собой лишь обычные для того времени посольские дары, никак не связанные с признанием зависимости со стороны пославших их правителей⁸. Некоторые такие договоры «о мире и родстве» расценивались позднейшей конфуцианской официальной традицией даже как унижительные для Китая. Так, например, по договору, заключенному Лю Баном Ханьская империя обязывалась отдавать в жены шаньюю девушек из царского рода, а также ежегодно отправлять хуннам определенное количество даров – продуктов земледелия, шелковых и хлопчатобумажных тканей, вина и разных съестных припасов⁹.

В «мироустроительной» концепции преобладали силовые приемы налаживания межгосударственных отношений. Более того, именно ко времени формирования этой доктрины, т.е. к периодам Чуньцзо и последующему Чжаньго относятся все четыре дошедших до нас древнекитайских сочинения о военном искусстве: Сунь-цзы, У-цзы и трактаты Вэй Ляо-цзы и Сыма Фа. На основе Сунь-цзы и У-цзы была построена практика военной стратегии и тактики, вся философия и теория военного дела в древнем Китае. Как отметил Н.И. Конрад, Сунь-цзы рассматривал войну как «борьбу из-за выгоды»: «получение выгоды и есть победа», «сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего, лучшее из лучшего – победить чужую армию не сражаясь. Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника, на следующем месте – разбить его союзы, на следующем месте – разбить его войска»¹⁰. Важным моментом победы У-цзы считает захват пленных: «Помните, если каждая колесница не захватит его колесницу, если каждый всадник не захватит его всадника, если каждый пехотинец не захватит его пехотинца, пусть мы и разобьем его армию, все равно заслуг не будет ни у кого»¹¹. Китайский философ Мо Ди (479–381 гг. до н.э.) в трактате «Мо-цзы» подробно разработал стратегию и тактику обороны городов.

Не менее важным аспектом межгосударственных отношений были мирные договоры. Гарантии таких соглашений нередко обеспечивались династическими браками или заложничеством сыновей правителя. Причем, если на ранних этапах, в периоды Чуньцзо и Чжаньго, заложничество носило взаимный, двусторонний характер, то в ханьское время оно стало односторонним. По мнению знаменитого военачальника Бань Гу, договоры о мире без взятия заложников вообще не имели смысла. Ха-

⁸ *Думан*. 1976. С. 40.

⁹ *Бернштам*. 1940. С. 58.

¹⁰ *Конрад*. 1950. С. 361.

¹¹ *Конрад*. 1958. С. 481.

рактерно, что в документах, отражавших исторические события, использовалась стандартная формула при сообщении о начале мирных переговоров: «Правитель такой-то послал наследника престола в царство такое-то, чтобы добиться заключения мира». С другой стороны, наличие заложников при китайском дворе соответствовало эгоцентрической концепции, так как заложники свидетельствовали о подчиненном положении присылавших их стран. Через заложников, воспитанных в конфуцианском духе, Китай также осуществлял идею распространения своего политического и культурного влияния на другие народы, считая их проводниками своей политики и подготавливая в их лице будущих правителей, преданных империи, поскольку заложники были наследниками престолов в своих государствах. Нередко они использовались также в борьбе за власть в этих царствах, получая поддержку китайского двора. Этой же цели служила и «практика породнения путем перекрестных браков». Во-первых, она была залогом внешнеполитической стабильности во взаимоотношениях царств. К.В. Васильев приводит отрывок речи циньского военачальника Бо Ци, где отмечается, что после поражения под Чанпином «правитель Чжао и его сановники... с униженными речами и богатыми подношениями во всех четырех направлениях выдавали замуж [дочерей] вана чтобы породниться [с царствами] Янь и Вэй, улучшить отношения с [царствами] Ци и Чу»¹². Во-вторых, отправляемые в жены иноземным правителям китайские «царевны» приезжали к ним с многочисленной свитой и продолжали там следовать своему привычному образу жизни. Детей от смешанных браков матери также воспитывали в китайских традициях. В свите китайских принцесс нередко находились самые образованные и культурные люди. Лю Цзин, например, рекомендовал Лю Бану использовать любой повод для отправки к шаньюю конфуцианцев, «владеющих красноречием, чтобы они незаметно наставляли его в соблюдении ли (правил поведения)»¹³.

Немаловажную роль заложники играли и в осуществлении традиционной политики «подчинения варваров руками варваров», которая была впервые предложена Бань Гу. Ее истоки, на наш взгляд, восходят к концепции союзов «по вертикали» и «по горизонтали», в основе которой лежало использование противоречий между отдельными государствами, раздувание взаимной вражды вплоть до военных конфликтов с целью ослабления этих царств. Активность международной политики Китая и сложность ритуалов, связанных с разными аспектами внешнеполитической деятельности, обусловили появление особой группы людей, вла-

¹² Васильев. 1968. С. 198-199.

¹³ Цит. по: Крюков, Переломов, Софронов, Чебоксаров. 1983. С. 118.

деющих специальными знаниями и навыками, необходимыми для выполнения задач дипломатического характера, знающими всю процедуру заключения союзов и ведения переговоров. Одним из таких послов был Чжан Цянь, посланный в 138 г. до н.э. к юэчжам с целью установить с ними связи и заключить военный союз против хуннов. Дело в том, что некогда юэчжи кочевали на территории Ганьсу и соседних областей, но в конце III – первой половине II в. до н.э. после усиления хуннов, потерпев поражение сначала от Модэ, затем от шаньюя Лаошана, откочевывали на запад на территорию Средней Азии, пройдя оазисы Восточного Туркестана. Ханьский император У-ди с помощью метода «руками варваров побеждать варваров» рассчитывал использовать враждебные отношения юэчжей и хунну¹⁴. Однако юэчжи, которые к тому моменту уже покорили Бактрию, не были склонны продолжать войну. Тем не менее, богатые сведения, собранные путешественником о Западном крае, расширили географический кругозор древних китайцев¹⁵.

Об Усуни он писал: «Это кочевое владение, коего жители переходят за скотом с места на место. В обыкновениях сходствуют с хуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска, отважного в сражениях. Усуны прежде были под зависимостью хуннов, но когда усилились, то собрали своих вассалов и отказались отправляться на съезды при дворе хуннов»¹⁶. «Двигаясь далее на Запад через горные перевалы и по долине Нарына (одного из верховьев Сырдарьи) он спустился в Ферганскую долину. Страну Давань он описывал как цветущий край, где насчитывается семьдесят больших и малых городов, где сеют рис и пшеницу, возделывают виноград, разводят изумительных ««небесных коней»»¹⁷. Здесь Чжан Цянь получил проводника к племени кангюй, кочевавшему в присырдарьинских степях¹⁸, а затем добрался до племени юэчжей, обитавших к югу за пустыней Кызылкум¹⁹. Как раз в это время юэчжи покорили Греко-бактрийское царство (в восточной части Иранского нагорья). Чжан Цянь назвал это царство Дася. Для возвращения в Китай (в 127 г. до н.э.) он избрал другой путь, огибающий Памир (он его называет Цун-

¹⁴ *Думан.* 1970. С. 45.

¹⁵ Основные сведения содержатся в отчете о его поездках, дошедших до нас в изложении Сыма Цяня, где описаны встречающиеся ему по пути племена и народы.

¹⁶ *Кюнэр.* 1961. С. 105.

¹⁷ Там же. С. 104.

¹⁸ «Кангюй находится на северо-запад от Давань в 2000 ли, не менее кочевое государство, с юэчжи весьма сходны обычаями». См.: там же. С. 107.

¹⁹ «Большие юэчжи находятся на запад от Давань не менее чем в двух-трех тысячах ли... [Юэчжи] есть кочевое государство: следуя за скотом, передвигаются. Обычаи одинаковые с сюнну». См.: там же. С. 106.

лин или Луковые горы) с севера. Попав после долгих скитаний на родину, Чжан Цянь впервые сообщил китайцам о существовании Каспийского (Северного) и Аральского (Западного) морей. В его отчете содержатся сведения о западной части Азии вплоть до Персидского залива и Средиземного моря. Чжан Цянь наметил трассу из Китая в Индию через Бирму и Ассам, через моря юго-восточной Азии. Впоследствии на рубеже II–I вв. до н.э. по этим маршрутам прошла южная ветвь Великого шелкового пути из Восточного Китая в страны Средней и Западной Азии.

Что касается путей на Запад, то Чжан Цянь предлагал пробиться через земли хуннов в направлении, которого он придерживался в своем путешествии, установить прямой контакт с Даванью, Юэчжи и Дася, странами богатыми и сходными по своему укладу со Срединной империей. Он надеялся склонить их в подданство к Китаю и таким образом «распространить китайские владения на 10000 ли; тогда с переводчиками девяти языков легко узнать обыкновения, отличные от китайских, и распространить влияние Китая до четырех морей»²⁰. В одной из бесед с императором Чжан Цянь выдвинул проект овладения Усунью: «Иноземцы обычно падки на китайские ценные вещи. Ныне чистосердечно пользуясь этим благоприятным временем и щедрыми подарками, [следует], подкупив усуней, призвать их поселиться далее к востоку на старых землях Хуньше²¹ и завязать с Китаем братские узы. Они [усунь] несомненно, должны послушаться. Если послушаются, то это отсечет правую руку сюнну... Когда же присоединим к себе Усунь, то в состоянии будем склонить в наше подданство Дахя (Дася) и другие владения на западе»²².

С этого времени большое значение во внешней политике императорского двора стали придавать захвату путей между империей и западными странами и установлению с ними регулярных связей. Однако для этого необходимо было сломить могущество хуннов в Западном крае, заселить пустующие земли военными поселенцами, построить заставы и крепости, которые могли бы защитить торговые караваны от набегов кочевников. С целью осуществления этого плана в 128–119 гг. до н.э. крупнейшими китайскими полководцами Вэй Цином, Хо Цюй-бином и Ли Гуан-ли были проведены военные экспедиции, которые нанесли хуннам ряд тяжелых поражений. Китайскими переселенцами из Шэньси был заселен Ордос; на территории современной провинции Ганьсу были проведены каналы для орошения полей и поселено около 50–60 тысяч военных поселенцев. Продвигаясь далее на запад, китайцы освоили и

²⁰ Там же. С. 113.

²¹ В район между Великой стеной и Лобнором.

²² Кюннер. 1961. С. 115.

заселили Цзюцюань (Суч-жоу), Увэй, Чжанье, Дуньхуан. Недалеко от Дуньхуана были выстроены две мощные крепости – Янгуань и Юймыньгуань, в которых размещены сильные гарнизоны. Опираясь на эти военные базы, китайцы могли приступить к выполнению своей главной задачи – к открытию регулярных торгово-дипломатических связей со странами, расположенными к западу от них.

Из ставки усуньского правителя, которую Чжан Цянь сделал опорной базой Китая в странах Запада, он отправил своих помощников с посланниками в Давань, Канцзюй, к большому юэчжи, в Дася, Аньси, Шэньду, Юйтянь и другие страны. Чжан Цянь с отрядом усуньских «вожачков и толмачей» возвратился в Китай. Сыма Цянь, заканчивая рассказ о втором походе Чжан Цяня на запад, отмечает, что «с этого времени государства северо-запада начали сношаться с Китаем»²³. Кроме того, был открыт путь от Кашгара через перевалы Тянь-Шаня в Семиречье и собраны новые сведения о Согдиане, Бактрии, Парфии и стране Шэньду. Границы Китая расширились до Усуни и Давани, и на землях, открытых для Китая Чжан Цянем, было основано четырнадцать новых провинций.

Первое посольство было отправлено в государство Давань (Фергану), потому что императора У-ди особенно поразило сообщение Чжан Цяня о том, что в Давани водятся превосходные лошади «с кровавым потом», будто бы происходящие от «небесных лошадей»²⁴. Предание о таких лошадях в Китае существовало и раньше, причем обладание ими связывалось с вознесением на небо и достижением бессмертия²⁵. Посольство, направленное в Давань, везло с собой весьма богатые дары: 1000 золотых монет и литую из золота фигуру коня. Отказ даваньцев отдать лошадей и последовавшее за ним убийство китайского посланника повлекли за собой ряд походов китайских войск на Давань. В результате Давань была разбита и подчинена, что открыло Китаю прямую дорогу в Среднюю Азию. Получив сообщение об этом событии, правители государств Западного края поспешили представить свои дары и выказать покорность Китаю²⁶. Тогда же был проложен торговый путь на Запад, впоследствии известный под именем «Великого шелкового пути». В 97 г. н.э. посольство Гань Ина достигло побережья Персидского залива.

Письменные источники содержат сведения об отношениях Китая с соседними государствами и народами Центральной Азии; прежде всего китайские династийные истории. Время их создания близко к описываем-

²³ Там же. С. 117

²⁴ Там же.

²⁵ *Waley*. 1955. P. 97-98; *Edwards*. 1954. P. 17-25.

²⁶ *Бичурин*. 1950. С. 171.

мым событиям и ситуациям, и в силу значения этих источников для востоковедов и историков, почти все они переводились на русский и западноевропейские языки. Ханьская династийная история «Ханьшу» описывает две дороги – Южную и Северную, проходившие через Восточный Туркестан на запад. Южная дорога вела через Тянь-Шань (район Лобнора), Памир в Бактрию и Парфию. Северная дорога, начинаясь в Турфанском оазисе, следовала вдоль Тянь-Шаня, по реке Тарим на запад до Кашгара, затем через Памир и далее шла к Фергане, Среднеазиатскому Междуречью и в район Нижней Волги и Северного Причерноморья. Многие ученые, в том числе Сиратори Куракити и Е.И. Лубо-Лесниченко, считают, что первоначально в связях между Западом и Востоком более важен был Северный путь через степи Евразии, чем Южный, активная деятельность на котором начинается в I в. до н.э.²⁷

По свидетельству Чжан Цяня, первые сведения о Восточном Средиземноморье и античных колониях Северного Причерноморья (кит. Лисянь или Лицзянь) проникли в Ханьскую империю именно по Северному пути²⁸. Для древних китайцев он был «меховым путем». В Ханьской империи особенно ценились соболиные меха из страны Янь, расположенной на Южном Урале и в бассейне Камы к северу от Яньбай. Большая часть археологических находок на Северном пути была обнаружена в Ферганской долине (а также примыкающим к ней областям Южного Тянь-Шаня, Алтая, Ташкента) и в районе обитания сарматских племен. Именно древняя Фергана – Давань была важным транзитным центром на Северном пути, где скапливалось много товаров, привозимых из Ханьской империи, и прежде всего шелковых тканей, бронзовых зеркал, монет «у-шу» первых выпусков. Далее по Северному пути китайские товары проникали в район Нижней Волги и в Северное Причерноморье. Шелковые ткани были найдены в Соколовой могиле, близ Керчи, недалеко от г. Мариенталь. Китайские зеркала II–I вв. до н.э. обнаружены в погребениях у хутора Виноградное (Нижний Дон) и с. Старая Полтавка в Нижнем Поволжье и т.д.²⁹

Вскоре по этому пути одно за другим стали отправляться на Запад китайские посольства, встречаемые в Средней Азии с большим почетом. В «Шицзи» рассказывается, какой пышный и торжественный прием был оказан китайскому посланнику в Парфии. Уже на восточных границах страны гостя встретили 20 тыс. солдат почетного эскорта, сопровождавших его до самой столицы. Столь же торжественно встрети-

²⁷ Лубо-Лесниченко. 1994. С. 244.

²⁸ Shiratori Kurakichi. 1956. P. 225-226.

²⁹ Синецын. 1946. С. 92.

ли китайских посланников в Индии и в Бактрии, откуда были отправлены ответные дипломатические миссии. Вслед за тем и Парфия снарядила ответное посольство, которое вместе с китайским посланником отправилось в Китай. Посольство было снабжено богатыми дарами и диковинками. Среди последних были яйца страуса и фокусники-жонглеры из страны Ли гань (Рим)³⁰, которые выступали при ханьском дворе³¹. Крайним западным пунктом трансконтинентальных отношений были восточные провинции Римской империи, которые китайцы именовали Да-Цинь или Ли-гань (с VI в. появилось название «Фулинь»).

Обмен посольствами и торгово-дипломатическими миссиями вскоре стал обычным делом. Как сообщает Сыма Цянь, из Китая ежегодно отправлялось не менее пяти-шести, а в отдельные годы более десяти караванов³². К одним только хуннам посылалось так много миссий, что «каждый следующий видит шапку впереди идущего, а следы колес их возков переплелись на дорогах»³³. Посылка таких миссий на запад была делом государственного значения, а их состав определялся непосредственно двором. Торговля первоначально не отделялась от внешней политики. Выгоды от такой торговли были настолько велики, что, по свидетельству источников, все мелкие чиновники и солдаты-охранники прежних посольств наперебой осаждали императора рассказами о заграничных диковинках и просьбами вновь послать их с посольствами³⁴.

В первые века н.э. активное сообщение между Востоком и Западом начинает проходить по «южному» пути. Это объясняется тем, что на пике своего могущества находилась Кушанская империя, влияние которой распространялось на южную часть Восточного Туркестана. К тому же эта дорога была хорошо известна, поскольку расположенные на ней оазисы (например, Хотан) с глубокой древности были главными поставщиками нефрита в Китай. И, наконец, усилившиеся государства Роуран (Лоулань, Шаньшань) и Хотан, подчинившие себе во II в. мелкие государства-оазисы на «южной» дороге, создали хорошо организованную транспортную службу³⁵. Это подтверждается и археологическими данными. Материалы раскопок в Ния, датированные I–III вв., свидетельствуют о роли Хотана как основного перевалочного пункта из Восточного Туркестана в Бактрию и Индию. Среди находок много предметов тор-

³⁰ О локализации Ли Гань см.: *Васильев*. 1958. С. 45; *Needham*. 1954. P. 174.

³¹ *Хеннинг*. 1961. С. 421.

³² *Кюннер*. 1961. С. 118.

³³ *Сыма Цянь*. 1972. С. 240.

³⁴ *Бичурин*. 1950. С. 158.

³⁵ *Лубо-Лесниченко*. 1994. С. 237.

говли: вывозимые на Запад бронзовые зеркала, лаковые и ювелирные изделия, шелковые ткани и привозимые с Запада шерстяные гобелены, ковры, узорные и набивные хлопчатобумажные ткани, стеклянные изделия³⁶. Более того, в районе Хотана выпускались даже двуязычные «синокхарошские» монеты. Их хождение имело место во II–III вв. н.э.³⁷ Обнаружены тексты на кхарошти, в которых сообщается о привозе шелка в Хотанский оазис «купцами из Сина» и о его широком распространении среди местного населения. О двустороннем движении по южному отрезку Шелкового пути говорят многочисленные наскальные надписи и рисунки II – V вв. н.э., обнаруженные в верховьях Инда в районе Гильгита экспедицией К. Йеттмара. Надписи выполнены на индийских языках (кхарошти, раннее и позднее брахми), на бактрийском, парфянском и китайском. IV–VI вв. датируются надписи на согдийском языке³⁸.

Юй Хуань в «Кратком описании Вэй» (III в.), упоминает о существовании уже трех дорог (Южная, Средняя и Северная), ведущих на Запад. Сравнительный анализ древних сведений о путях проникновения китайцев на Запад был сделан известными исследователями Центральной Азии Хуаном Вэньби и Е.И. Лубо-Лесниченко³⁹. Они полагают, что значение Старой Северной (Средней, по «Вэй люэ») дороги как артерии, связывавшей Китай с Ферганской долиной и Согдом в период Западной Хань, отражает маршрут похода Ли Гуанли в Давань в 104–101 гг. до н.э. за «лошадьми, потеющими кровью». Следы древней дороги с развалинами военных башен и военных поселений были обнаружены Хуан Вэньби во время обследования района Лобнора в 1930 г. В развалинах поселений были найдены деревянные дощечки с текстами, датированными рубежом нашей эры. Дорога существовала и в период Западной Хань, придя в упадок только после правления Ван Мана (9–23 гг. н.э.), когда торговые и дипломатические связи с территорией современной Средней Азии пролегли по Новой дороге. Ее освоение было связано с китайским завоеванием территорий Турфанского оазиса (область Чэши в Гаочане), находившихся под хуннским контролем. Первые сведения о существовании Новой дороги относятся к началу нашей эры. Описания Южного пути у Бань Гу и Юй Хуаня совпадают. В Вахане Южный путь раздваивался. Одна дорога шла на запад, в Балх, далее в Мерв, затем через парфянскую столицу Гекатомпил и Эктабану в Ктесифон на Тигре и по древнему ахеменидскому маршруту через Северную Месопотамию

³⁶ *Nackin*. 1984.

³⁷ *Зеймаль*. 1971. С. 109-120.

³⁸ *Yettmar*. 1980. P. 151-159.

³⁹ *Лубо-Лесниченко*. 1994. С. 232-233.

в Сирию до Антиохии. Во II–III вв. дорога шла через Сирийскую пустыню, проходя Пальмиру и заканчиваясь в Дамаске. Вторая дорога вела из Вахана на юг через Гильгит и Кашмир в Гандхару и заканчивалась на берегу океана в Барбариконе (устье Инда) и Бригазе (Бхарош)⁴⁰.

Сведения китайских династийных историй подтверждаются и дополняются античными источниками. Первые дошедшие до нас сведения античных авторов о торговых дорогах, пересекающих Центральную Азию и соединяющих саков, серов и индов, относятся, как и китайские, к середине II в. до н.э. Из сообщений Аполлодора Артемидского, суммированных Поседонием и Артемидором, этот путь «в одном направлении проходит по землям фрунов (фаунов), хохаров и саков, живущих по Яксарту, затем через Эмодские горы в верховьях Окса, в другом – по землям фунов (фаунов), факаров (хохаров), кашров (каспиров), затем через Эмодские горы, реку Гипапис, к Исаму (исарам) и индийским племенам Ганга»⁴¹. По мнению И.В. Пьянкова, здесь описаны Северная и Южная дороги. К I в. до н.э. относится описание морского торгового пути Псевдоаррианом в «Плавании вокруг Эритрейского моря». По его свидетельству часть мехов, попадающих в Восточный Туркестан по Северному пути, затем по Южному пути перевозилась в Индию и оттуда на кораблях в Римскую империю⁴². Плиний Старший в «Естественной истории» (сер. I в. н.э.) сообщает, что савроматы, живущие на Северном Кавказе, имеют торговые связи через пролив (Нижняя Волга) с абзоями, живущими на восточном берегу, и что абзои, подобно савроматам, состоят из множества племен с различными названиями⁴³. Однако наиболее полные сведения о Шелковом пути были приведены в «Географическом руководстве» Птолемея (II в. н.э.). Его источниками послужили сочинения географа Марина Тирского (написанные между 107 и 114 гг. н.э.)⁴⁴, использовавшего, в свою очередь, информацию крупного македонского купца Маеса Тициана, чьи посланцы посещали с торговыми целями Восточный Туркестан. Описанный Птолемеем путь делится на три большие части: первая – от переправы через Евфрат в районе сирийского города Гиераполь, через Мерв и Герат, до Бактры, вторая – от Бактры до Кася (Каменной башни) и третья – от Каменной башни до Серы (Чаньань).

Некоторое расхождение в данных античных и китайских источников не мешает оценить значение каждого из путей, соединяющих Восток

⁴⁰ *Pelliot*. 1921. P. 139-145; *Shiratori Kurakichi*. 1956; *Hirth*. 1885. P. 137-173.

⁴¹ *Пьянков*. 1986. С. 18.

⁴² *Псевдоарриан*. 1940. С. 275.

⁴³ *Plinii Secundi* C. 1897–1902. Цит. по *Лубо-Лесниченко*. 1994. С. 242.

⁴⁴ *Cary*. 1956. P. 130.

с Западными землями в разные периоды истории. По подсчетам А. Хермана, длина пересекающей Восточный Туркестан Средней (Старой Северной) дороги составляла примерно 1700 км. Караван мог пройти этот путь за семь недель. Примерно столько же времени было нужно каравану, идущему по Южному пути до Яркенда. По Новому Северному пути – через Турфан – 2100 км караваны проходили за девять недель⁴⁵.

С развитием торговых связей на смену обремененным в дипломатическую форму торжественным взаимным подношениям приходит обычная частная торговля⁴⁶. К концу I в. н.э. количество прибывавших к границам Китая торговцев и размах торговли достигли таких масштабов, что ханьское правительство учредило специальный пост «директора гостей». Торговля между китайцами и иностранными купцами велась в основном в Западном крае. Китайские купцы привозили свои товары на крайние западные границы империи. Здесь, в районе Каменной Башни заканчивалась «китайская часть» «Великого шелкового пути»⁴⁷. Обмен товарами происходил в районе Каменной Башни, поскольку дальше нее китайцы предпочитали не заходить⁴⁸. Однако и китайское правительство почти не допускало иностранцев внутрь империи⁴⁹ (если они не входили в официальные посольства). Покупателями были в основном согдийские купцы, обменивавшие свои товары на китайские вещи. Л.С. Васильев со ссылкой на А. Хермана⁵⁰, указывает, что именно «согдийский язык был наиболее распространенным торговым языком в Средней Азии»⁵¹. Это мнение находит подтверждение в материалах А. Стейна. В бассейне реки Тарим он обнаружил большое количество документов, испещренных согдийскими надписями⁵². Из Западного края (Каменной Башни) китайские товары попадали в Бактру, где находился крупный международный рынок, а затем в Маргиану – первый парфянский торговый центр, где товары скупались парфянскими купцами.

Покорение Ферганы Китаем изменило соотношение сил враждующих сторон на территории Восточного Туркестана. Многие государства региона направили в столицу Ханьской империи посольства и заложни-

⁴⁵ *Herrmann*. 1910. P. 115.

⁴⁶ *Васильев*. 1958. С. 46.

⁴⁷ *Parke*. 1888. P. 301.

⁴⁸ Как сообщает Помпоний Мела (I в. н.э.), китайцы «приносят свои товары в уединенные места и, возвращаясь (восвояси), предоставляют покупателю завершать путь». См.: *Помпоний Мела*. Кн. III. Гл. 7. Цит. по: *Васильев*. 1958. № 5. С. 46.

⁴⁹ *Reinaud*. 1863. P. 334-335.

⁵⁰ *Herrmann*. 1915. P. 476.

⁵¹ *Васильев*. 1958. С. 46.

⁵² *Stein*. 1921. P. 671-672.

ков как свидетельство признания вассалитета по отношению к Китаю. В метрополии был организован штат военных чиновников, которые должны были систематически посещать государства Западного края с целью обеспечить беспрепятственное движение китайских послов и торговых караванов в страны Средней Азии и далее на юг и на Запад.

Однако не прошло и столетия, как Китай начинает терять влияние на Западе. Этому способствовали три обстоятельства. Во-первых, из-за осложнившейся внутривосточной обстановки в самой империи Хань правительство не могло осуществить эффективный контроль над вассально зависимыми территориями. Во-вторых, борьбу за обладание территорией Западного края начали местные правители. В-третьих, воспользовавшись распрями между местными правителями и ослаблением Китая, хунну резко усилили свою военную активность в регионе. Лишь к концу I в. н.э. Китай восстановил свое влияние в Западном регионе благодаря умелой политике дипломата и полководца Бань Чао. Причем в своих притязаниях на эти земли ему пришлось столкнуться с интересами Кушанской державы (юэчжами), которая к 80-м гг. значительно расширила свои территории далеко за пределы Бактрии. В 90-х гг. кушаны вступают в открытый военный конфликт с Бань Чао. Хотя их поход оказался неудачным, он подготовил будущие действия Кушанской державы в Западном крае. Их следующая акция пришлась на середину II в., когда Китай был ослаблен внутренними противоречиями.

Падение империи Хань на рубеже II–III вв. вызвало глубокие перемены, в результате которых было утрачено единство Китая. По мнению Дж. Брафа, кушаны в этот период не только распространили свое влияние на территорию бассейна Тарима, т.е. большую часть владений Китая в Восточном Туркестане, но и включили их в состав своей империи вплоть до завоевания их собственных территорий Сасанидами в 230 г.⁵³

В III–IV вв. в системе дорог Шелкового пути происходят значительные изменения. На Южном пути в древних оазисах от Черченя до Хотана жизнь угасает, и дорога отклоняется к югу, проходя близ северных отрогов Куньлуня⁵⁴. Одновременно снова оживает Старая Северная дорога (Средний путь – по Юй Хуаню), которая просуществовала на этот раз до конца IV в. (падение Ранней Лян (301–376 гг.)). Именно к этому периоду относятся сообщения в «Кратком описании Вэй» о появлении Нового Северного пути, который начинался в Юймэньгуане, вел в Иу (Хами) и далее шел вдоль северных отрогов Тянь-Шаня на запад⁵⁵.

⁵³ Brough. 1965. P. 597.

⁵⁴ Stein. 1907. P. 375-385.

⁵⁵ Лубо-Лесниченко. 1994. С. 252.

В III–VI вв. монополией на торговлю между Ближним Востоком и Китаем фактически завладело государство Сасанидов (224–651 гг.), благодаря своему географическому расположению (от Мерва до Месопотамии) и высокоразвитому ремеслу. Однако в Китае о воцарении новой династии узнали не сразу. Китайские известия о Персии III–V вв. вообще не упоминают о Сасанидах. Положение изменилось при Северных династиях, когда Китай установил прямые и довольно тесные дипломатические и торговые отношения с Ираном. С середины V в. северовэйский двор принял более десяти сасанидских посольств. Официальные миссии посылали в Иран и китайские правители⁵⁶.

Крупнейшим партнером и соперником Сасанидской державы в восточной торговле было Согдийское царство, возникшее в районе Ферганы и Самарканда в III в. Согдийские купцы сосредоточили в своих руках караванную торговлю с Китаем. Уже в III в. колонии согдийцев прочно обосновались в оазисах Кашгарии, Лянчжоу и даже внутри Китая. К VI в. торговый оборот Согда с Китаем достиг наибольшего расцвета, а согдийский язык стал общепризнанным языком международного общения от Мерва до монгольских степей. В Китае уже не удивлялись «носатым и волосатым» чужеземцам. Ян Сюань-чжи, оставивший описание Лояна начала VI в., сообщает о деятельности в столице западных купцов, имевших за южными воротами свое подворье и рынок: «Из сотни царств, тысячи городов к западу от Луковых гор до страны Да-Цинь (Византия) не было никого, кто бы ни приезжал сюда. Торговые варвары со всех краев земли толкались и теснились целыми днями... Все редкостные товары Поднебесной стекались сюда»⁵⁷. Именно согдийцы в этот период стали проводниками китайской культуры на Запад, в частности в среднеазиатские государства.

Следующим этапом в развитии межцивилизационных контактов между Китаем и Западными странами был период V–VII вв., когда Сасанидский Иран предпринял попытку блокировать торговлю по Шелковому пути и пришлось искать обходные дороги. В начале VII в. сановник Пэй Цзюй был послан на северо-запад с поручением расширить дипломатические и торговые связи с Западным краем и разузнать о нем побольше. Пэй Цзюй составил подробное описание западных стран и ведущих к ним путей в «Записках и картах Западных земель», которые впоследствии были утеряны, но сохранились в выдержках из его жизнеописания в династийной «Истории Суй». Сообщения древнего автора были проанализированы Ф. Йегером и Е.И. Лубо-Лесниченко. Пэй

⁵⁶ Крюков, Переломов, Софронов. 1979. С. 102.

⁵⁷ Там же. С. 101.

Цзюй сообщал, что: «От Дуньхуана к Западному морю идут три дороги, и у каждой дороги имеются ответвления. Северная дорога из Иу (Хами) проходит мимо оз. Пулей (Баркуль), земли теле, ставки тюркского кагана (близ оз. Иссык-Куль), идет через Люхэшуй, доходит до страны Фулинь (Византия) и достигает Западного моря. Средняя дорога выходит из Гаочана (Турфан) через Яньцы (Карашар), Цюцы (Куча), Тэле и далее через Цунлин (Памир), проходит через страны Цао (Кабудан), Хэ (Ура-тюбе), Большое и Малое Ань (Бухара, Самарканд), Му (Мерв), доходит до Босы (сасанидский Иран) и достигает Западного моря. Южная дорога из Шаньшаня (район оз. Лобнор) идет через Юйтянь (Хотан), Чжуцзюйбо (Каргалык), Хэбаньто (Ташкурган), Цунлин (Памир) и далее через Хуми (Вахан), Тохоло (Тохаристан), Еда (Эфталиты), Фанье (Бамиан), Цао (Газни) ведет в Болонэн (Северо-Западная Индия) и достигает Западного моря. От каждой страны также отходят дороги, которые, в свою очередь, пересекаются на юге и севере. Таким образом, следуя [по этим дорогам], можно попасть в любое место. Поэтому известно, что Иу, Гаочан и Шаньлань являются воротами в Западные земли»⁵⁸. Таким образом, восточный отрезок Среднего пути Пэй Цзюя соответствует Новому Северному пути «Краткого описания Вэй». К периоду Суй движение по нему ослабевает, караваны предпочитают обходную дорогу, названную Пэй Цзюем «Иуской» (или «Хамийской»). Южная дорога в «Суйшу» совпадает с Южным путем Юй Хуаня и ханьских династийных историй. Северный путь соответствует древнему пути, связывавшему восточнотуркестанские и согдийские центры с Черноморским побережьем и Византией. Этот путь, проложенный тюрко-согдийскими и византийскими посольствами, шел из городов Согда и ставки тюркского кагана на Сырдарье мимо Аральского моря до р. Урал, далее до Волги и оканчивался в Трапезунде⁵⁹.

Замечание Пэй Цзюя о том, что Гаочан является воротами в Западные земли, подтверждается нумизматическими находками в могильниках Астана и Караходжа, где обнаружены 24 серебряные сасанидские и 5 золотых византийских монет. С торговыми караванами такие монеты доходили до Чаньани, где найдено 12 сасанидских и две византийские монеты. Представлены в Восточном Туркестане и монеты последних правителей Ирана: 593 монеты Хосрова II (590–628 гг.), две – Борана (630–631 гг.) и три – Иездегера III (632–651 гг.). Византийские монеты, найденные в Восточном Туркестане и Северном Китае, – это эмиссии, охватывающие период от Феодора II (408–450 гг.) до Юстиниана II

⁵⁸ *Yüger*. 1922-1923. P. 81-115, 216-231; *Любо-Лесниченко*. 1994. С. 253.

⁵⁹ Византийские историки... 1860. С. 370-384.

(565–578 гг.). Значительная часть этих монет попадала на восток по Северному пути, проложенному Менандром и согдийскими купцами. Подтвердить это может золотая византийская монета, найденная в могиле согдийского купца близ Дуньхуана. В династийных историях Северной Вэй и Северной Чжоу сообщалось об обращении серебряных сасанидских монет в оазисах Кучи и Турфана. Тексты из Дуньхуана и Гаочана (главным образом из могильника Астана) подтверждают, что серебряные (сасанидские) и золотые (византийские) монеты широко употреблялись в Суй при различных торговых сделках⁶⁰.

Сведения, добытые Пэй Цзюем и другими исследователями Западного края, пригодились, когда Китай начал проводить активную внешнюю политику. К империи были присоединены земли племен туюйхунь (в Восточном Цинхае), а правители Тюркского каганата признали «старшинство» Китая. Еще в 629–630 гг. китайские войска разгромили Восточный тюркский каганат, в результате чего империя утвердила свое преобладание на Великом Шелковом пути. Китайские армии дошли до Кучара и в 657 г. в союзе с уйгурами разгромили Западный каганат. В крупных населенных пунктах вдоль Великого Шелкового пути разместились китайские гарнизоны.

Расцвет торговли по Шелковому пути пришелся на VII – первую половину VIII в. Первые полтора века Танской империи система путей, описанная в начале VII в. Пэй Цзюем, продолжала функционировать. Активная торговля шла по Средней дороге, проходившей через Согд и низовья Волги до Северного Кавказа и далее в Византийскую империю. Это подтверждается находками разнообразных китайских тканей (гладких, камчатных, полихромных) на горе Муг и в аланском могильнике Мошечая балка. В «погребении китайского купца» были обнаружены китайские тексты (официальные бумаги, обрывки художественных произведений, бухгалтерские записи). В могильнике Астана и Замурованной пещере Дуньхуана были найдены среднеазиатско-согдийских ткани.

Нельзя обойти вниманием роль согдийцев в организации международной торговли в этот период. Их проникновение в Западные земли (Восточный Туркестан) относится уже к IV–III вв. до н.э. Согдийские колонии и поселения зафиксированы в главных центрах караванной торговли Средней Азии, Восточного Туркестана и Западного Китая начиная с первых веков нашей эры⁶¹. Например, письменные сведения о существовании согдийской общины в Дуньхуане относятся к IV в.⁶² Согдийские

⁶⁰ Лубо-Лесниченко. 1994. С. 255.

⁶¹ Hemming. 1948. P. 257.

⁶² Чугуевский. 1971. С. 147-156.

колонии были и в других важных торговых центрах: Гуцзане (затем Лянчжоу, совр. Увэй), Цзю-цюане, Шаньшане вблизи оз. Лобнор, в оазисе Иу (Хами) и т.д. В династийной истории Северной Вэй говорится, что «торговцы из страны Судэ (Согд) издавна и помногу приезжали в Лян[чжоу], чтобы торговать»⁶³. Подобных сведений довольно много. По китайским письменным источникам, эти колонии процветали и вели особенно активную торговую деятельность в эпоху Тан. Большое число согдийских торговцев, выходцев из Самарканда, Бухары, Кеша, Кабудана и других согдийских городов, жили в танской столице Чанъани.

Об активной торговле согдийцев по Южному пути через Памир с Индией говорят многочисленные наскальные надписи, открытые в верховьях Инда К. Йеттмаром⁶⁴, а так же обширная колония, состоявшая из нескольких поселений в главном центре Южного пути Шаньшане⁶⁵.

По Северной дороге согдийцы вели торговлю в течение всего времени существования государства Гаочан (498–640 гг.). Об этом свидетельствуют многочисленные тексты из могильников Астана и Караходжа. Это преимущественно договора, описи, разрешения на проезд через территорию оазиса, деловые письма и другие подобные документы.

Дипломатические связи с зарубежными странами в период Танской династии осуществлялись в виде обмена посольскими миссиями в соответствии с доктриной универсальности власти китайских государей как посредников между обожествляемыми Небесами и Землей. Прибытие к китайскому двору иноземных посланцев официально трактовалось как выражение подтверждения вассальной покорности. Китайские же посольства за рубеж везли «указы» иноземным правителям с жалованием им китайских титулов. Активизация внешней политики и расширение зарубежных связей в VII–VIII вв. повлекли за собой увеличение торгового оборота с другими странами. Государства Средней Азии (Фергана, Самарканд и другие), страдавшие от вторжений тюрков, тибетцев и арабов, искали поддержки у танских императоров. В 751 г. китайская армия по начальством Гао Сяньчжи даже перешла через Тянь-Шань в Среднюю Азию, но здесь была остановлена арабами в битве на р. Талас. В результате был положен конец военному присутствию Танской империи в Средней Азии, а основные центры трансконтинентальных связей были перенесены на юг. К моменту падения Кайфына в 1126 г. уже около 35% иностранных посольств передвигалось морским путем.

⁶³ Лубо-Лесниченко. 1994. С. 257.

⁶⁴ Yettmar. 1980. P. 151-159.

⁶⁵ Giles. 1930. P. 87.

Середина VIII в. явилась переломным моментом в системе международных связей Центральной Азии. Это связано с переходом западной части Шелкового пути под арабское влияние после поражения китайцев в Таласской битве в 751 г. К тому же, вследствие тибетского вторжения в Восточный Туркестан и Западный Китай во второй половине VIII – начале IX в. весь центральный участок Шелкового пути попал под тибетский контроль. В результате были прерваны налаженные межконтинентальные связи, а проторенные торговые пути пришли в упадок. Появляется необходимость искать обходные дороги.

Одной из таких обходных трасс стал так называемый Кыргызский путь, который из Турфана шел через Джунгарию в предгорья монгольского Алтая, через перевал Кемиз-арт, в Туву и к Минусинской котловине. Кыргызское государство установило прямые дипломатические и торговые контакты с Танской империей еще в первой половине VII в. Из Китая с 633 г. в течение ста лет в государство кыргызов регулярно отправлялись посланники. С 643 по 747 гг. было зарегистрировано одиннадцать киргизских посольств. Однако после падения II Тюркского каганата в 745 г. происходит быстрое возвышение уйгуров, которые в 750–751 гг. захватывают Туву и Северо-Западную Монголию, блокируя традиционные торговые пути кыргызов. И только после того как в 840 г. кыргызы захватывают столицу уйгуров Орду-Балык на Орхоне и оттесняют уйгуров на юг, они восстанавливают свои внешние торговые и политические связи. Г.П. Супруненко приводит сведения сразу о трех кыргызских посольствах, отправленных в 843 г. в империю Тан⁶⁶. В свою очередь, И.Я. Бичурин говорит еще о трех миссиях, отправленных в Китай между 860 и 873 гг. К сожалению, по его словам, письменные источники не сообщают о продолжении официальных контактов между кыргызами и Китайской империей после падения династии Тан⁶⁷.

Сам же Кыргызский путь описывается как в китайских, так и в мусульманских источниках. Основные сведения приводит Гардизи в «Украшении известий» («Зайн ал-Ахбар»), написанном в 1050–1053 гг. по источникам VIII–IX вв.: «Путь к киргизам ведет из страны тугузгузов, а именно из Чинанджжета⁶⁸ в Хасан; из Хасана в Нухбек до Кемиз-арта один или два месяца пути среди лугов и 5 дней по пустыне. От Кемиза до Манбек-Лу два дня идут по горам, потом приходят в лес; начинается степь, источники, место охоты, до горы, которую называют Манбек-Лу...

⁶⁶ Супруненко. 1963. С. 67-81; С. 68.

⁶⁷ Бичурин. 1950. С. 35.

⁶⁸ Локализация названий была сделана В.Ф. Минорским и Л.Р. Кызласовым.

После Манбек-Лу приходят к Кёгмену... От Кёгмена до киргизского стана 7 дней пути... Здесь военный лагерь киргизского хакана»⁶⁹. Далее Гардизи упоминает три дороги, по которым можно попасть в киргизский лагерь: одна вела на северо-восток к Байкалу, другая шла на запад к верховьям Иртыша и Аральскому морю, совпадая с древним Степным путем. Основной же была Южная дорога, начинавшаяся, согласно Гардизи, в Чинанджкете (Турфане). Приведенные Гардизи названия были частично отождествлены В.Ф. Минорским⁷⁰ и Л.Р. Кызласовым⁷¹.

По Кыргызскому пути древнехакасское государство интенсивно торговало с оазисами Восточного Туркестана и странами Среднего Востока. Как пишет «Таншу», кыргызы «всегда имели близкие отношения с Даши, тибетцами и карлуками»⁷². Из Аньси (Куча), Бэйтина (Бешбалык) и Даши к кыргызам регулярно отправляли караваны из двадцати и более верблюдов, груженных, преимущественно, шелковыми и шерстяными тканями. В обмен от кыргызов на юг шли мускус, меха, белый тополь, дерево халадж, рог хуту (бивни мамонта или моржовые клыки)⁷³ и особенно ценимые кыргызские лошади⁷⁴.

Найденный на территории Южной Сибири археологический материал свидетельствует о том, что в VII–XI вв. связи кыргызов с Танской империей были довольно интенсивными. Среди находок представлены бронзовые зеркала, монеты, шелковые ткани, ювелирные и лаковые изделия, сельскохозяйственные орудия. Е.И. Лубо-Лесниченко, исследовавший коллекцию китайских зеркал в Южной Сибири, в Минусинской котловине и окружающих ее районах и обнаруживший более 90 зеркал периодов Суй и Тан, говорит об этом районе как крупнейшем центре находок танских зеркал за пределами Китая⁷⁵. В одной из своих работ он представил общий перечень импортных изделий, найденных в Южной Сибири: китайских, восточнотуркестанских, иранских и других⁷⁶.

В дальнейшем движение по Кыргызскому пути постепенно прекращается в связи с политическим и экономическим упадком хакасских княжеств. Одной из важнейших торговых трасс этого периода стала старая дорога центральноазиатских кочевников, связывающая Восточный

⁶⁹ Бартольд. 1973. С. 47.

⁷⁰ *Hudud al-Alam*. 1937. P. 282-284.

⁷¹ Кызласов. 1969. С. 96.

⁷² Материалы по истории... 1973. С. 41.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Шеффер. 1981. С. 85.

⁷⁵ Лубо-Лесниченко. 1975. С. 16-23.

⁷⁶ Лубо-Лесниченко. 1994. С. 267.

Туркестан с Северной Монголией. В танское время она получила название Уйгурской, так как шла от Бэйтина (Бешбалык) к оз. Баркуль и далее на северо-восток к столице каганата – Харабал-гас. Впервые название этого пути встречается в «Записках о поездке У-куна в Индию»⁷⁷. У-кун, отправленный в 751 г. в качестве посла в Кашмир, возвращаясь почти через сорок лет на родину, обнаружил, что старая дорога в результате тибетского вторжения стала непроходимой. Тогда он вместе с группой танских чиновников направился Уйгурской дорогой из Бэйтина в Китай.

Важные сведения содержатся и в других источниках. Например, в «Описании областей и уездов в годы правления под девизом Юань-хэ (806–820 гг.)» приводятся названия станций Читу, Вэньцюань, Тело, расположенных к северо-востоку оз. Баркуль на Уйгурском пути. В «Записях о сопредельных с Китаем территориях» Цзя Шэна, сохранившихся в качестве комментария в «Новой истории Тан», говорится: «Через четыре дня пути от крепости Средний Шоусян попадаешь на Уйгурскую дорогу... Там имеется колесная дорога. По ней проходят уйгурские посольства...». Далее путь описывается подробно⁷⁸, причем в наше время можно локализовать большую часть географических пунктов, а, следовательно, проследить весь маршрут до ставки уйгурского кагана⁷⁹. Южный вариант Уйгурской дороги, идущей из Бэйтина через Тунчэн (Эдзина, Хара-Хото) и Ордос в Центральный Китай, назывался «Дорога ветров». Первые сведения об этой дороге, как полагает С.Г. Кляшторный, появились в конце VII в.⁸⁰ а в X в. по ней шли буддийские паломники, направлявшиеся в Ордос⁸¹. Этот же путь был обозначен на тангутской карте XI в., изданной Е.И. Кычановым⁸². Уйгурская дорога как основной транзитный путь использовалась довольно долго – в XII–XIV вв. она была основной артерией Монгольской империи.

Таким образом, существование внешнеполитических доктрин «диго» и, особенно, «мироустроительной» подготовили теоретическую основу для реализации китайской стратегии распространения политического влияния на максимально обширную территорию. Открытие и функционирование Шелкового пути, по которому и осуществлялись внешнеполитические контакты со странами Запада и Севера, способствовало реальному воплощению мироустроительных идей. Установив-

⁷⁷ *Levi, Chavannes*. 1895. P. 341-371.

⁷⁸ Цит. по *Лубо-Лесниченко*. 1994. С. 263.

⁷⁹ *Малаякин*. 1981. С. 271.

⁸⁰ *Кляшторный*. 1964. С. 100-101.

⁸¹ *Bailey*. 1948. P. 616-624.

⁸² *Кычанов*. 1959. С. 204-212.

шиеся длительные и разнообразные связи стимулировали развитие всех народов, включенных в сеть трансконтинентального культурообмена. Эти контакты подразумевали, прежде всего, посольско-договорные и торговые отношения. Не вызывает сомнения заинтересованность многих государств Западного края, в частности, среднеазиатских, в Китае как в военном и политическом союзнике. Торговля с Китаем, а также посредничество в его торговле с Римской империей и Византией, приносили в казну центральноазиатских оазисов огромные доходы, что также укрепляло престиж Срединной империи на Западе. Даже войны, часто длительные, способствовали распространению инокультурных элементов в результате миграций не только отдельных людей, но и целых народов. Это проявилось, в частности, в отношениях с кочевниками. Все это, плюс огромный материальный и духовный потенциал, накопленный китайской цивилизацией к моменту своего выхода на мировую арену, обеспечивало распространение ее влияния не только на соседних территориях, но в отдаленных регионах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бартольд В.В.* Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар» // Сочинения. Т. VIII. М.: Наука, 1973. С. 23–62.
- Бернштам А.Н.* Из истории гуннов I в. до н.э. // Советское востоковедение (СВ). 1940. № 1. С. 51–77.
- Бичурин И.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Васильев К.В.* «Планы Сражающихся царств»: исследование и переводы / Отв. ред. Л.Н. Меньшиков. М.: Наука, Главн. ред. восточной литературы (ГРВЛ), 1968.
- Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5. С. 67–81.
- Византийские историки / Пер. С. Дестуниса. Прим. Г. Дестуниса. СПб.: Типогр. Леонида Демиса, 1860.
- Гончаров С.Н.* Китайская средневековая дипломатия: отношения между империями Цзинь и Сун 1127–1142 гг. М.: Наука. 1986.
- Думан Л.И.* Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и средневековье, М.: Наука, 1970. С. 45–70.
- Думан Л.И.* Учение о Сыне Неба и его роль во внешней политике Китая // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 28–51.
- Зеймаль Е.В.* Сино-кхароштийские монеты (к датировке Хотанского двуязычного чекана) // Страны и народы Востока (СНВ). Вып. X. М., 1971. С. 109–120.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. М.: Наука. 1964.
- Конрад Н.И.* Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. М.; Л.: Изд-во АН, 1950.
- Конрад Н.И.* У-цзы. Трактат о военном искусстве. М.: ИВЛ, 1958.
- Кроль Ю.Л.* Китайцы и «варвары» в системе конфуцианских представлений о вселенной // Народы Азии и Африки (НАА). 1978. № 6. С. 45–57.
- Кроль Ю.Л.* О концепции «Китай и варвары» // Китай: общество и государство. М.: Наука. ГРВЛ, 1973. С. 13–29.

- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков М.: Наука, 1979.
- Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.И. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Кычанов Е.И. Китайский рукописный атлас карт тангутского государства Сися, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина // СНВ. Вып. I. М., 1959. С. 204–212.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Востлит, 1961.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути. М.: Восточная литература, 1994.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях населения Южной Сибири. М.: Наука. ГРВЛ, 1975.
- Маявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке / Отв. ред. И.А. Стучевский. М.: Наука, 1987.
- Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980.
- Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря / Пер. С.П. Кондратьева // Вестник древней истории (ВДИ). 1940. № 2. С. 264–281.
- Пьянков И.В. «Шелковый путь» от Гиераполя в Серику (среднеазиатский участок) // Памироведение. Вып. II. Душ., 1985. С. 125–140.
- Пьянков И.В. Восточный Туркестан в свете античных источников // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 6–23.
- Риттер К. Землеведение: Восточный, или Китайский, Туркестан / Пер. и доп. В.В. Григорьев. Вып. 2. Отдел 1. СПб., 1873.
- Синицын И.В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // Советская археология (СА). М.; Л., 1946. VIII. С. 73–95.
- Супруненко Г.П. Документы об отношениях Китая с енисейскими киргизами в источнике IX в. «Ли Сан-сун Хойчан ипинь цзи» // Известия АН Киргизской ССР. Серия общественных наук (СОН). Т. I. Вып. 1. Фрунзе, 1963. С. 67–81.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Шицзи). Т. II / Пер. с кит. и коммент. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. Под ред. Р.В. Вяткина. М.: Наука. ГРВЛ. 1975.
- Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисловие, перевод и комментарии В.С. Таскина. Вып. 1. М.: Наука, 1968.
- Хеннинг Р. Неведомые земли. Т. 1. М. Изд-во иностр. лит-ры, 1961.
- Чугуевский Л.Н. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // СНВ. Вып. X. М., 1971. С. 147–156.
- Шеффер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / Пер. с англ. Е.В. Зеймаль и Е.И. Лубо-Лесниченко. М., Наука. ГРВЛ, 1981.
- Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи / Пер. с англ. О. Федченко // Известия русского географического общества (ИРГО). 1873. Т. VI. С. 6–18.
- Bailey V.W. The Seven Princes // Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies (BSO(A)S). Vol. XII. Pt. 3–4. 1948. P. 616–624.
- Brough D. Comment on Third Century Shan-shan and the History of Buddhism // BSOAS. Vol. XXVIII. 1965. P. 582–612.

- Cary M.* Maes qui et Titianus // The Classical Quarterly. N.S. 1956. Vol. VI. № 3–4. P. 130–134.
- Edwards R.* The Cave Relieves at Ma Hao // *Artibus Asiae* (AA). Ascona, 1954. Vol. 17. № 1. P. 17–25.
- Giles L.* A Chinese Geographical Text of the Ninth Century // BSOS. 1930. Vol. VI. P. 825–846.
- Hackin J.* Nouvelles recherches archéologique à Begram. Vol. I–II. Paris, 1954.
- Henning B.* The Date of Sogdian Ancient Letters // BSOS. 1948. Vol. XII. P. 601–615.
- Herrmann A.* Die Alten Seidenstrasse zwischen China und Syrien. I Abt. Berlin, 1910.
- Herrmann A.* Die Seidenstrassen vom alten China nach dem Romischen Reich // Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien. Bd. 58. 1915.
- Hirth F.* China and Roman Orient. Chicago, 1885. P. 137–173.
- Hudud al-Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / Transl. and expl. by V. Minorsky with a preface by V.V. Barthold. London, 1937.
- Levi S., Chavannes E.* L'itinéraire d'Ou-k'ong (751–790) // *Journal Asiatique* (JA). 9-e ser. T. VI. 1895. P. 341–371.
- Needham J.* Science and civilization in China. Vol. 1. Cambridge, 1954.
- Paquie J.* Le Pamir: Étude de géographie physique et historique sur l'Asie Centrale. P., 1876.
- Parker E.* Contributions to Topography // *China Review*. Hongkong, 1888. Vol. 16. № 5. P. 300–302.
- Pelliot P.* Note sur les anciens itinéraires chinois dans l'Orient Romain // JA. Vol. CCXII. 1921. P. 139–145.
- Plinii Secundi C.* Naturalis Historiae Libri XXXVII. Ed. Carolus Wayhoff. Lipsaciae, 1897–1902.
- Reinaud M.* Relations politiques et commerciales de l' Empire Romain avec l'Asie Orientate // JA. Paris. 1863. Serie 4. T. 1. № 3.
- Richthofen K.* China. Bd. 1. Berlin, 1877.
- Sarianidi V.* Bactrian Gold. Leningrad: Aurora Art Publish, 1984.
- Shiratori Kurakichi.* On the Ts'ung-ling Traffic Route Described by C.Ptolemaes // Memories of the Research Department of the Bunko (MRDTB). 1957. № 16. P. 1–34.
- Shiratori Kurakichi.* The Geography of Western Regions // MRDTB. 1956. № 15. P. 73–163.
- Stein A.* Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Exploration in Chinese Turkestan. Vol. I–II, Oxford, 1907.
- Stein A.* Innermost Asia: Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Vol. I–III. Oxford, 1928.
- Stein A.* Serindia. Vol. 2. Oxford, 1921.
- Waley A.* The Heavenly Horses of Ferghana. A New View // *History today*. London, 1955. Vol. 5. № 2. P. 95–103.
- Yäger F.* Leben und Work des P'ei Kü // *Ostasiatische Zeitschrift* (OZ). 1922–1923. P. 81–231.
- Yettmar K.* Neuen Felsbilder und Inschriften in der Nordbilder Pakistan // *Archaeologie-Beitrage*. 1980. Bd. 2. B.M. 7. P. 151–159.

Баринова Елена Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра евразийской археологии Института этнологии и антропологии РАН; BarinovaElena@rambler.ru